

Курды, базы, исламисты

В фокусе сегодняшних переговоров между президентами России и Сирии — судьба народа, заплатившего наибольшую цену в войне с ИГ*

Ахмед аш-Шараа. Фото: AP / TASS

13:09, 28 января 2026,

Вадих Эль-Хайек

специально для «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Президент Сирии Ахмед Аш-Шараа встречается сегодня в Москве с Владимиром Путиным. Этот визит — уже вторая личная встреча двух лидеров с момента падения режима Башара Асада в декабре 2024 года и его бегства в Москву.

Во время первой встречи в октябре 2025 года Аш-Шараа заверил Путина, что новое сирийское правительство будет соблюдать существовавшие до той поры соглашения между странами, в том числе те, которые касаются российских военных баз. Собственно, судьба этих баз и была ключевым вопросом той встречи. Нынешняя встреча, со всей очевидностью, продолжит эту линию — никаких ультиматумов мы не услышим.

Сегодняшняя встреча в российских официальных СМИ характеризуется как приуроченная к годовщине вступления сирийского президента в должность. Никто уже и не вспоминает, что чуть более года назад Аш-Шараа был одним из самых разыскиваемых террористов в мире, за голову которого Соединенные Штаты предлагали награду в 10 миллионов долларов, и что именно подразделения Аш-Шараа Путин упоминал во время своего неожиданного визита на авиабазу Хмеймим в Сирии в 2017 году.

Напомню, это случилось вскоре после того, как Россия объявила о победе над ИГ и другими группировками боевиков. В своем обращении к российским военнослужащим на базе российский лидер тогда, в частности, сказал: «Если террористы вновь поднимут голову, то мы нанесем по ним такие удары, которых они пока и не видели».

И вот сегодня Аш-Шараа принимают в Кремле. И нынешняя встреча российского и сирийского президентов снова проходит на фоне суеты вокруг российской военной базы в Сирии.

Вот уже в течение недели Россия выводит свои войска с военной базы, дислоцированной в аэропорту Камышли на северо-востоке страны. Частично личный состав и техника отбывают домой, в Россию, однако некоторая часть остается в Сирии и передислоцируется на авиабазу Хмеймим.

Интересно, что даже относительно небольшое расстояние между двумя сирийскими авиабазами российские военные преодолевают по воздуху на военно-транспортных самолетах. Это объяснимо: ведь, двигаясь по земле, россиянам неизбежно пришлось бы пройти через территории, контролируемые недавними врагами, бородатыми и длинноволосыми джихадистами. Которые еще недавно назывались исламистской группировкой «Хайят Тахрир Аш-Шам»*, а теперь называются регулярной сирийской армией.

Переговоры Владимира Путина и Ахмеда аш-Шараа, 2025 год. Фото: Сергей Бобылев / POOL / ТАСС

Вообще, Камышли — относительно скромный форпост по

сравнению с основными объектами РФ на побережье Средиземного моря. Однако с момента ввода российских войск в Сирию и до самого последнего времени он играл заметную роль во внутрисирийских раскладах. А теперь перестает ее играть.

Город Камышли находится на северо-востоке Сирии, на территории, которую обычно называют Рожава; это курдская полуавтономия, которая де-факто долгие годы находится под смешанным курдско-арабским управлением.

В годы войны президент Сирии Башар Асад умел удерживать в отношениях с курдами некоторый баланс — учитывая их колоссальный вклад в борьбу с ИГ* на этой территории. Ведь, по сути, из всех акторов сирийской войны именно курдские подразделения (при поддержке США) были единственной пехотой, сражавшейся с ИГ, и понесли колоссальные потери (по некоторым данным, до 20 тысяч погибших). Вместе с тем

именно курды после относительной зачистки северо-восточных территорий Сирии от ИГ получили контроль над нефтедобычей в регионе — и рассматривали это как достойную компенсацию своих потерь.

Башара Асада эта ситуация не то чтобы не волновала — однако он рассуждал в категориях «разделяй и властвуй»: до тех пор, пока курды остаются в деле, они не только эффективно воюют с ИГ — но и отвлекают на себя силы Турции. Которая до такой степени боится обострения курдского вопроса на своей территории, что даже ввела в 2019 году собственные войска на населенные курдами территории соседней Сирии. Формально, конечно, отнюдь не для того, чтобы подавлять курдов, а под благовидным предлогом помощи братскому сирийскому народу

в сдерживании джихадистской угрозы.

Российская база в Камышли появилась тогда же, в ноябре 2019 года, и, по сути, выполняла роль буфера между турецкими вооруженными силами и курдскими подразделениями. Однако новое сирийское руководство, которое свергло президента Асада в конце 2024 года, довольно быстро пересмотрело прежние установки во внешней и внутренней политике Сирии и взяло курс на реинтеграцию. Отвод российских войск из Камышли совпадает с ускоряющейся кампанией сирийского правительства по возвращению под влияние Дамаска территорий, прежде контролируемых курдами. При этом очевидно, что Аш-Шараа волнует не только территориальная целостность, но и нефть.

Фото: Максим Григорьев / ТАСС

И если смотреть с этой точки зрения, нынешние московские переговоры символизируют усилия нового сирийского

руководства по прагматичному — а не в духе отмщения — пересмотру отношений с Россией. Для России это означает продолжение присутствия в Сирии и сохранение стратегических плацдармов на Ближнем Востоке. Для Сирии же — невмешательство Москвы во внутренние дела, а также потенциальную экономическую поддержку и восстановление утраченной (не без участия РФ) гражданской инфраструктуры.

И вот вам сухой итог сирийской гражданской войны, продолжавшейся более 13 лет и унесшей жизни огромного числа сирийских граждан.

К власти в стране пришла исламистская оппозиция, которая (к чести ее) сумела отмежеваться от идей джихадизма и на удивление быстро интегрировалась в мировую политику.

Сирийские курды, мечтавшие о собственном государстве, видимо, надолго с этой мечтой попрощаются и вратут в национальное сирийское государство.

Россия пополнила свою коллекцию бежавших автократов, сумев сберечь голову Асада, — но отнюдь не его режим.

А что Исламское государство*, угроза которого и была заявлена главной причиной войны в Сирии? Вопреки заявлениям разных первых лиц его нельзя считать до конца поверженным. В некотором количестве ячейки ИГ сохраняются в сирийской пустыне, однако хуже того: эта идеология за годы войны успела разбросать свои споры по всему миру. И, к сожалению, об ИГ мы еще непременно услышим.

Те же курды, например, отклонили многочисленные просьбы России предоставить информацию о русскоязычных джихадистах (и их семьях), содержащихся в курдских тюрьмах. Зато прямо сейчас курды охотно выдают этих игиловцев в Ирак. Спрашивается: зачем Ирак принимает тысячи радикализированных суннитских джихадистов с большим боевым опытом? Ответ проступает довольно прозрачно. На фоне угрозы, надвигающейся на Иран со стороны США, в Ираке могут активизироваться иракские военизированные прокси — шииты. Чтобы не оказаться ненароком втянутым в очередной международный конфликт с крупнейшей армией мира, Ираку надо что-то противопоставить усилению этих прокси на своей территории. Ну а кто умеет воевать с шиитскими боевиками лучше закаленных в боях пленных боевиков ИГ из Сирии?

* Организация признана террористической и запрещена в Р